

На основе оригинального таймлайна
«Мир „Варяга“ – победителя – 2» (МВП-2).

*Посвящается светлой памяти русских
воинов*

*Арсена Сергеевича Павлова,
Михаила Сергеевича Толстых,
Алексея Борисовича Мозгового,
Павла Леонидовича Дремова,
Александра Александровича Беднова,
Александра Владимировича Захарченко.*

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Г. Б. Дойников

От автора

Уважаемые читатели!

Действие первой книги второго цикла романов по Миру МВП-2¹ «Одиссея капитана Балка» начинается в день, когда пушки смолкли. Война с Японией завершена. В МВП-2, альтернативной, параллельной нашему Миру реальности, она закончилась с совершенно иными результатами, чем известны вам из учебников истории. Российская держава, ее флот, а с ними крейсер «Варяг» и наши главные герои вышли из схватки с империей «Божественного Тэнно» не побежденными и униженными, но победителями. Впереди у них новые вызовы и новые испытания, порожденные столь неожиданной для многих, решительной победой русского оружия.

О том, как, благодаря чему, кому и какой ценой она была достигнута, вы можете узнать из семи романов первого цикла книг по Миру МВП-2, «Одиссея крейсера "Варяг"», выпущенных издательством АСТ в серии «Военная фантастика»: «Чемулпо — Владивосток», «Фламан владивостокских крейсеров», «Из западни», «Про-

¹МВП-2: Мир «Варяга» — победителя, вторая версия. Серия книг по МВП-2 (в нескольких циклах) пишется мной на основе оригинального таймлайна. Главным побудительным мотивом для ее появления и в целом для рождения Мира МВП-2 стали замечательные произведения Глеба Борисовича Дойникова «"Варяг" — победитель» и «По местам стоять! Возвращение "Варяга"», объединенные единой сюжетной линией МВП-1.

тивостояние», «Владивосток — Порт-Артур», «Огненная купель Шантунга», «Порт-Артур — Токио»¹.

Да, Япония повержена. Только если кто-то думает, что дальше будет проще и легче, он серьезно ошибается. Локальный успех России лишь в одной из партий Большой игры, Игры за право доминировать в мире, не поменял ни состав ее главных участников, ни их цели. А вот настроение некоторым игрокам подпортил. И серьезно: победа Петербурга резко подняла ставки в этой геополитической мегаигре.

Уместно напомнить, что в реальном мире, к началу 1908 года, фактически утратив внешнеполитический суверенитет, наша страна, повязанная парижскими займами, покорно плелась в фарватере британо-французской политики. Вернее, ее целенаправленно вели. Куда? На бойню конечно же! У «господ-цивилизаторов с рефлексами колонизаторов» успешно получилось сравнить между собой двух своих главных геополитических конкурентов. Русских и немцев. Причем дважды. Нынешний Рах Америсана на три четверти оплачен русской и немецкой кровью.

Понятно, что постфактум его творцам и апологетам выгодно и привычно списывать десятки миллионов смертей в мировых войнах на роль и вину в их жутком, чело-веконенавистническом шабаше отдельных личностей из Германии и России. Историческая правда для них крайне неудобна. Кукловодам всегда комфортнее работать за черной ширмой: марионетки не должны догадываться, кто дергает их за ниточки...

¹Первый роман цикла «Одиссея крейсера "Варяг"» «Чемульпо — Владивосток» опубликован издательством АСТ в 2017 году, последний, седьмой — «Порт-Артур — Токио» — в январе 2023 года.

Но здесь, в Мире МВП-2, оказавшись в самом начале XX века, четверо наших современников знают тайные «родимые пятна» тех, кто скрывается в тени. Вот только станет ли новый мир, благодаря усилиям этой четверки, лучше для нашей Родины? Появятся ли шансы избежать фатальных ошибок и сохранить миллионы бесценных жизней ее сыновей и дочерей, столь прискорбно безвозвратно загубленных в реальной истории?

Я не знаю. Но — надеюсь. И вместе с вами, дорогие читатели, буду искать ответы на эти вопросы в следующих книгах по истории Мира МВП-2. Вторым циклом романов, как хронологически, так и по смыслу повествования, станет «Одиссея капитана Балка», включающая в себя три книги. Первая из них — «Ставка больше, чем мир» — предлагается вашему вниманию.

Чистая правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что грязная ложь.

В. Высоцкий

Пролог

Царское Село, 22 февраля 1905 года

— Спасибо! Спасибо, господа. Я всех вас также сердечно поздравляю. Да, мир! Слава богу, все завершилось. С Победой нас всех! Да, Петр Павлович, попрошу вас... Я сейчас пойду немножко подышать. Погуляю по парку. Один. Будьте добры, постарайтесь сделать так, чтобы никто не мелькал вокруг. Я не дальше Фотографического.

— Слушаюсь, ваше величество!

— Спасибо... Александр Иванович, вы что-то хотели мне сказать? Слушаю вас.

— Ваше величество, извините, но вдруг подумал, что если вы решили на променад... Просто, Дик с Касей у нас еще не выгулянные, со всей этой суматохой.

— Ясно. Хорошо, прихвачу их с собой. Поводки длинные в павильоне приготовлены? И не волнуйтесь, рукавицы я взял...

Тугая, февральская метель захватила в плен сразу, прямо с порога овладев всем его существом. И русский царь остановился перед ней, оглушающей, бескрайней, всесильной, затопившей все вокруг. Он стоял один. Словно тот маленький мальчик из прочитанной в детстве сказки, перед входом в ледяные чертоги Снежной Королевы.

Он не любил тепло одеваться даже в лютую стужу. Но в этот раз все-таки уступил настояниям жены. И правильно сделал. Снег забивался всюду, где мог найти хоть ма-

лую щелку. Слепил глаза, выбивая слезу. Николай глубже надвинул на лоб любимую кубанку — подарок отца, поправил шарф и поднял воротник пальто.

«Тонко Спиридович мне хвостатых провожатых навесил. Молодец!

Кстати, действительно, Гессе наш совсем неважно выглядит. Хорошо, что Михаил загодя меня предупредил о его нездоровье. Надо будет обязательно Петру Павловичу дать отдохнуть. А Александр Иванович хоть молод еще, но и без него справится вполне. В курс дел и обязанностей дворцового коменданта вошел, так что, пожалуй, завтра решим этот вопрос окончательно. Крым, Италия или на воды, пусть Боткин со товарищи определяют. Хоть на целый год, если необходимо...

И все-таки хорошо, что Алике¹ убедила надеть валенки, — подумалось, когда буквально через два-три шага высокие двери царского подъезда растворились в белой, клубящейся пелене за спиной. — Пожалуй, первая такая пурга в этом году. Да и не пурга вовсе! Буран, почитай, настоящий. В чистом поле на тройке в этаким снегу дорогу потерять — ерундовое дело... Но, Господи, какая же первобытная красота!»

Он закрыл глаза. И с минуту постоял, подставив разгоряченные переживаниями дня и шампанским щеки освежающему покаяванию снежинок, несущихся в бесконечном волшебном хороводе.

«Господи, иже еси на Небеси, всемогущий и всепрощающий... Слава Тебе! Господи, прости мне грехи мои тяжкие и страхи мои, не отринь, не отступишь и впредь. Направь и укрепи разум мой, десницу мою. Спаси-сохрани рабов твоих и матушку нашу Россию...»

Император Всероссийский молился. Это была не разученная с детства молитва. *Так* он говорил с Богом толь-

¹Именно так в кругу семьи Николай ласково называл свою супругу.

ко несколько раз в жизни. И это были мгновения без времени. Или просто время остановилось? Возможно. Ведь если чопорной, своевольной госпоже Европе пристало скромно подождать, пока русский царь удит рыбу, то уж, когда он молится...

Великая российская вьюга окружила его во всем блеске и великолепии ее снежной вечности. Оглушила многоголосым хоралом ветров, с вплетенными нотами отдаленных стонов крон вековых лип. Беззащитных, нагих, покорно раскачивающихся под яростными порывами. Приворожила тайным колдовством взгляд к калейдоскопу блесков, мечущихся прозрачными вихрями в текущих, причудливо змеящихся под ногами струях поземки.

Бледные пятна двойных электрических фонарей вдоль пруда и парковых аллей едва проглядывали в стремительно летящей, вьющейся круговерти. Лишь два ближних светили достаточно, чтобы он смог увидеть занесенные гранитные ступени крыльца и девственно чистую белизну внизу, всего лишь за пару вечерних часов совершенно скрывающую под собой расчищенные за день дорожки...

Наконец очнувшись, Николай снял рукавицу, отер льдинки с бровей и усов, провел ладонью по влажному лицу. С облегчением вздохнул, точно сбросив с плеч тяжкую ношу, и шагнул в снег. Шагнул спокойно, уверенно, как в штормящий балтийский прибой на бьёркском пляже во время летней грозы.

Кружащийся возле угла дворца мощный вихрь попробовал на прочность бросившего ему вызов одинокого человека. Налетел. С яростным порывом ветра чуть не сорвал с его головы кубанку, швырнул в лицо пригоршню сверкающих ледяных стрелок. Отступил на мгновение и накинудся вновь, пытаясь остановить, свалить с ног. Но не тут-то было: человек устоял и решительно продолжил путь, по колено зарываясь в свежие, горящиеся, как текучие дюны балтийского взморья, снежные наносы...

«Не зря говорят на Руси: в такую погоду хороший хозяин собак из дому не выгоняет, — подумал Николай с улыбкой, — но это ничего. Во-первых, они у меня не изнеженные, а во-вторых, в парке наверняка потише будет. А мохнатым по свежему снежку поноситься — только в радость.

Здоровые псы вымахали. Дика так и вообще издали с волком матерым перепутать запросто. Хороши немцы! Умные. Надо обязательно заставить разводить у нас эту породу. Не для охоты, конечно: в армии, в полиции пусть послужат».

Среди деревьев буйство пурги ощутимо пошло на спад, и ступать по освещаемой призрачным светом электрических фонарей снежной целине, под покровом которой едва угадывались контуры дорожки к псовому павильону, стало значительно легче. Павильон этот по его указанию выстроили прямо над тепловыми трубами от главной котельной, возведенной в дальнем углу парка и запущенной впервые в октябре прошлого года. «Песий домик» с внутренними помещениями был утеплен, однако собаки сами могли выходить в открытый внутренний вольер. Разыгравшаяся не на шутку непогода их не особо донимала, и они как обычно сидели там, в ожидании хозяина. Николай, любивший их выгуливать, уже за сотню метров до павильона понял, что его ждут...

До Дика с Каськой у него была лишь одна любимая собака. Небольшой, поджарый пес средней лохматости, по имени Иман. Ирландской, охотничьей породы. Когда сеттер, не прожив и половины обычной собачьей жизни, умер от остановки сердца около трех лет назад, Николай больше ни к кому из «придворных» псов не привязывался. Но зато разных заблудших дворняг отстреливал в парке не редко.

С одной стороны, понятно, — охотничий азарт, с другой — суровая профилактическая мера, ибо бешенство или псовая чума были в те времена довольно серьезной опасностью. Укушенному бешеным зверем человеку грозила тяжелая, мучительная болезнь. С почти неотвратимым летальным исходом. Даже вакцина Пастера не была панацеей.

А беспокоиться государю было за кого. И как главу многочисленного семейства его вполне можно было понять. Тем более что и дворцовой охране, и полиции стрелять на территории дворцового комплекса разрешалось только в самых исключительных случаях. Пуля, как говорится, дура. Потому что порой не известно, в кого она соизволит попасть. Кроме того, Николай вообще не любил появления чужих на своей личной территории. И не только четвероногих, крылатых или ползающих.

«Жаль, что нельзя вот так запросто разрешать проблемы с некоторыми из двуногих. Прости мне, Господи, греховные мысли!.. Нет, не нельзя, конечно, — самодержец пока. Не подобает. Так будет вернее. Как человеку чести и долга, верующему, воспитанному и высокородному. Но признайся, пока самодержец, велик соблазн столь просто решать самые сложные проблемы? Как Рюриковичи, Петр Алексеевич или власти предержавшие в том чудовищном будущем, о котором тебе поведал Михаил? И которого ты поклялся не допустить. Как же много ты от *них* уже понабрался за этот год. Самого оторопь берет...

И... прости, милый Иман. Прости, друг, я долго хранил верность твоей памяти. Но эта мохнатая парочка! Ох, как же они быстро залезли в сердце всеми своими восьмью лапами? С самого первого дня, когда два лохматых квадратных увальня со смешными, любопытными мордами и непропорционально большими, тяжеловесными ходульками устроили уморительные скачки на новом,

скользком для них паркете Александровского дворца, натертом до зеркального блеска.

Как же все смеялись тогда над их неуклюжестью! Во время обеда они и отомстили главным насмешницам — безжалостно сгрызли ножки венского комода в комнате Ольги с Татьяной. А когда барон Фредерикс вознамерился за это их наказать... Ух, что тут было!» — Николай хмыкнул, вспоминая, как две юные фурии с гневными сверкающими глазами напали на несчастного министра двора, который просто любил порядок. И одной из форм поддержания его почитал воздаяние по заслугам.

Первым подал голос Дик. И тут же, более высоко и тонко завизжала Каська, без ума влюбленная в хозяина. «Ну и слух у них. Сейчас точно всего в снегу изваляют. Силушкой-то господь не обделил. Не щенки уже. И все-таки, какой Миша молодец: настоял именно на этой породе. Я бы сам предпочел сибирскую лайку. Ведь про немецкую овчарку у нас ничего особого не писали. Так, вскользь, что, в Германии культивируют пастушью собаку. Даже не ожидал увидеть такое чудо. Да! А в каком восторге от них девочки...

Но сегодня в дом не впущу. Набегаются, навалиются по снегу, опять все их псиной провоняет. А Алике с маленьким. Не хочу нервировать по пустякам. День и так в полном сумбуре прошел».

Появлением своим в семье государя — именно в семье, а не при дворце — эта парочка мохнатых-зубастых была обязана Банщикову. Еще прошлой весной Ширинкин, Дедюлин, Гессе, Спиридович и Герарди¹ подготовили но-

¹*Ширинкин Евгений Никифорович* — генерал-лейтенант, начальник Дворцовой полиции. *Дедюлин Владимир Александрович* — генерал-майор, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. *Гессе Петр Павлович* — генерал-лейтенант, дворцовый комендант. *Спиридович Александр Иванович* — подполковник, начальник железнодорожного конвоя ЕИВ. *Герарди Борис Андреевич* — подполковник Дворцовой полиции.

вое Положение «Об охране императорских резиденций, мест пребывания ЕИВ и на пути следования». И одним из его пунктов было приобретение для царской семьи охранных собак. Поначалу Николай воспротивился. Он считал, что из-за предполагаемой болезни наследника близкое соседство с животными, которых фактически можно рассматривать как оружие, небезопасно. Мало ли что?

Но тут Михаил Лаврентьевич подсказал, что в Германии окончательно, в нескольких поколениях уже, сформирована порода немецкой овчарки. По отношению к детям эти псы в подавляющем большинстве весьма благодушны и дружелюбны, зато при необходимости всегда смогут защитить и их, и старших членов семьи от внезапной опасности. На том и порешили.

В Вюртемберг немедленно откомандировали начальника канцелярии Министерства Императорского Двора Мосолова. Миссию его телеграммой сопроводил сам кайзер. Там, у Макса фон Штефаница, он и взял двоих трехмесячных кутешат с длинными немецкими именами, которые в Царском Селе были немедленно трансформированы дочерьми в Дика и Касю. Почему именно так? А никто государя в известность об этом не ставил. Кстати, Вильгельм же и оплатил их покупку, заявив, что это его подарок дороговому кузену в честь утопления первого японского броненосца...

— Ну, привет! Привет, зверюги лохматые. Ай! Каська, не лижись же! Холодно! Ой! Ах ты ж, лохма зубачая, карман оторвешь! Фу! Дик! Сидеть! Ну-ка, успокаивайтесь оба. Так, давайте-ка сюда свои загривки... Ошейники. Поводки возьму сейчас... Все! Гулять!

Кубарем выкатившись в дверь и едва не сбив при этом самодержца с ног, взвизгивая и звонко гавкая от радости, взрывая сугробы тучами снежной пыли, как два миноносца, идущие в атаку сквозь штормовые волны, овчарки растворились во вьюжной круговерти.

Итак, вопреки большинству предсказаний и пророчеств, эта навязанная России война завершилась для нее и ее государя победоносно. Телеграмма с подтверждением текста заключенного братом мирного договора, отбитая сегодня днем в Токио, подвела черту под более чем годичным кровопролитием на Дальнем Востоке. Значит, такой, как рассказывал Банщикова, наша история точно не будет... И словно упала вдруг мрачная, мутная пелена впереди. Раздвинулись горизонты. Можно и нужно идти дальше...

Но тут неожиданно-негаданно подкралось и властно нахлынуло тревожное ощущение звенящей, гулкой пустоты внутри. И еще чувство иррационального, почти граничащего с физической болью, душевного изнеможения, явившееся на смену тяжкому грузу забот и печалей, немилосердно давившему на плечи до сегодняшнего дня.

Наверное, он просто устал. Устал ломать себя «через колено». Выдерживать изо дня в день тот бешеный темп, который они с Михаилом задали себе и всем окружающим.

А еще планы на будущее, которые уже нужно начинать воплощать в жизнь. Но что главное? За что хвататься немедленно, а с чем можно и повременить? Манифест, подготовку которого пока удавалось держать в тайне даже от Алике? Объяснение с мама? Для нее и конституция, и немцы, все это одинаково ужасно. Письма во Владивосток? Телеграммы Вилли и Рузвельту? Дядюшки? Перевод офицеров к Зубатову? Фон Витте и иже с ним? Демобилизация? Договор с Китаем? Переселенческая программа? Новые полки гвардии?

Мысли путаются... Да. Действительно, он, в самом деле, страшно устал...

Николай неторопливо шел, вдыхая свежий, морозный воздух. Снежинки таяли на лице, освежая. Господи,

как хорошо! Как же почти аморально хорошо, что можно просто расслабиться. Постараться хоть часок ни о чем не думать...

Но упрямица память, внезапно пробившись сквозь блаженную истому прогулки под музыку пурги, властно вернула его в прошлое. Такое недавнее. И уже такое далекое...

Он хорошо помнил тот прошлогодний мартовский вечер. Даже слишком хорошо. Уже затемно Александр Михайлович вернулся из Дивеева и тотчас, не навестив даже Ксению, поднялся к нему. Измученный долгой дорогой и от того не особо разговорчивый, он протянул ему запечатанный монастырской печатью длинный, узкий конверт.

— Спасибо, Сандро. А на словах?

— Нет, Ники. Она меня в этот раз даже в келью не позвала. Буркнула, чтобы ждал. И с час ее не было. Потом черницы побежали к матушке-игуменье, а вернулись от нее уже с запечатанным письмом. И на прощание посмотрела на меня так...

И говорит: «Только *ему*. Чтобы сам прочел. И чтоб сам решал!» Повернулась, и дверь за ней хлопнула. Словно уличила в том, будто я могу читать твои письма.

— Не обижайся на Параскеву Ивановну, милый Сандро. Ты же знаешь, что у Божьих людей свои промыслы. Не нам их за то осуждать. Может, о тебе она действительно и не думала в этот раз вовсе. Благодарю за труд, друг мой. Спасибо, что сразу поехал и так быстро оборотился. Как раз к завтрашнему заседанию по флотским делам с Дубасовым и остальными успел. Отдохни пока. А утром переговорим, хорошо?

— Хорошо, Ники. Тогда я к себе. Аликс не покажешь?

— Нет...

Когда дверь кабинета закрылась за спиной великого князя, Николай быстро подошел к абажуру на столе и, так и не присев в кресло, вскрыл конверт. На малень-